

ТАЙНА ОРУЖІЯ.

Романъ Эрнеста Психари ¹⁾.

Ernest Psichari. L'Appel des armes. G. Oudin et Cie, éditeurs. Paris.

Тому, чей духъ сопровождалъ меня въ пустыняхъ Африки, иному отшельнику, въ комъ живетъ сейчасъ душа Франціи, чьи труды исполнили благоговѣйною любовью нашу юность, учителю *Шарлю Пегу*, эту книгу нашего величія и нашей нищеты

посвящаетъ Э. П. ²⁾.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Не мало восхитительныхъ пейзажей видѣлъ на своемъ вѣку капитанъ Нанжесъ, но всего болѣе любилъ онъ тотъ крошечный уголокъ Бри, гдѣ вблизи мирнаго Креси, посреди блѣдныхъ луговъ, осѣненный прибрежными кустами и плакучими ивами, течетъ извилистый Гранъ-Моренъ. Сюда привыкъ онъ пріѣзжать

¹⁾ „Когда авторъ этого повѣствованія во Франціи вступилъ въ военную службу, то ему показалось, что онъ нѣчинаетъ совершенно новую жизнь. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, почувствовалъ, что оставилъ за собою все безобразіе современной жизни и вступилъ въ первую стадію того пути, который приведетъ его къ болѣе чистому величію.

Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ себя терпѣливому изученію области, въ которую проникъ, и укрѣпленію себя въ тѣхъ правилахъ, съ помощью которыхъ ему придется по ней направляться.

Изъ этихъ юношескихъ размысленій составилаь эта книга, начатая въ пылу двадцати шестого года, и законченная въ африканской пустынѣ, въ палаткѣ, въ долгіе часы прекраснаго изгнанія“.

²⁾ Въ настоящую минуту ни автора книги,—Эрнеста Психари, ни мыслителя Шарля Пегу, которому посвящена книга, написанная въ періодъ 1910—1912 гг.,—нѣтъ въ живыхъ. Оба пали славною смертію въ бою противъ германцевъ. Э. Психари былъ убитъ 22-го августа 1914 г. на бельгійской границѣ, выполняя тяжелую задачу прикрытія отступавшихъ отъ Шарлеруа войскъ. Задача была геройски выполнена его батареёй, вплоть до послѣдняго снаряда. Юный поручикъ погибъ, отстрѣливаясь изъ револьвера, у своихъ приведенныхъ въ негодность орудій.

Переводч.

на отдыхъ послѣ трудныхъ походовъ, здѣсь научился любоваться вновь кроткою красотою французской природы. Нигдѣ не удавалось ему среди такой тишины завершать мечты, зародившіяся среди шумныхъ степей Африки или среди тоскливыхъ азіатскихъ плоскогорій, нигдѣ не удавалось придать этимъ мечтамъ такую задушевную, такую серьезную форму.

Въ этомъ уголкѣ Иль-де-Франса поднимается со дна души и охватываетъ васъ одно настроеніе, настроеніе благоговѣнія и любви. По вечерамъ, когда солнце загоразживааетъ темно-фіолетовую полосою тяжелыхъ нивы на горизонтъ, сквозь нѣжный почной шелестъ буковъ на васъ набѣгаютъ волны любви и той тихой сладости, какая пробуждается въ душѣ при видѣ счастливаго семейнаго очага. По выбитымъ дорогамъ, кое-гдѣ осѣпленнымъ свѣсившеюся яблоней, попадаются навстрѣчу мужчины и дѣти, разливаются широкіе звуки вечерней молитвы. Влажные ароматы поднимаются надъ долинами. Холмы, съ нѣжными очертаніями, дышатъ ночью глубокимъ покоемъ...

Округъ Мо, подземныя пещеры Жуарры, колокольни маленькихъ общинъ, приходскія колокольни Креси, Виллье, Вуланжи... Часы бѣгутъ, свѣтлые и легкіе, напоенные не сладострастіемъ, а нѣжностью...

Не мало было говорено о красотѣ, о нѣжной гармоніи, о благородномъ изяществѣ этой кроткой природы. Но не за этимъ пріѣзжалъ въ эти мѣста Тимотэ Нанжесъ, когда, останавливаясь среди своей мятежной жизни, онъ искалъ какого-то постоянства, какой-то логики. Въ этомъ уголкѣ онъ цѣнилъ его величавость, его напряженность и серьезность, вполне между тѣмъ понятныя и ясныя.

Люди живутъ здѣсь въ согласіи съ природою, серьезные, какъ она, пылкіе безъ легкомыслія, безъ лишняго изящества. Красота чисто внутренняя, духовная. Въ иные вечера здѣсь припоминается Паскаль, съ такимъ глубокимъ пониманіемъ французской души сказавшій: „Постоянство... слезы радости“. Но здѣсь больше молодости, больше здоровыхъ соковъ.

Въ этихъ мѣстахъ Тимотэ переставалъ восхищаться. Онъ былъ дома, у себя. Здѣсь говорила душа, на образы не обращалось вниманія. Онъ бывалъ именно радъ, когда можно было не восхищаться, и тогда онъ понималъ сладость жизни. Въ другихъ мѣстахъ повсюду онъ будетъ восторгаться или критиковать. Здѣсь — нисколько. Онъ дышалъ легко среди чудесной природы, постоянной, прочной, удобной, гдѣ ему было хорошо, уютно, гдѣ онъ чувствовалъ себя естественнымъ, простосердечнымъ, вполне къ ней примѣнившимся.

Близился октябрь; Нанжесъ покинулъ гарнизонъ въ Шербургѣ и пріѣхалъ въ Креси пострѣлять куропадокъ и насладиться чарами поздней осени. Онъ охотился, одѣтый въ крестьянское платье, обутый въ грубые башмаки, съ трубкою въ зубахъ. Онъ любилъ здоровыя радости жизни, статныхъ лошадей, охоту, движеніе. Въ сорокъ лѣтъ у него не было иного желанія, какъ сохранить свою изумительную физическую силу; еще хотѣлъ онъ, чтобы дни его жизни были прекрасны и просты, какъ прямой полетъ большихъ морскихъ птицъ. Привыкнувъ къ одиночеству, онъ не былъ незнакомъ съ волненіями пылкой, тревожной совѣсти, съ тонкою чувствительностью, всегда готовой отдаться впечатлѣніямъ минуты. Но, быть можетъ, въ силу именно этого, Нанжесъ и ощущалъ потребность строить жизнь на нѣсколькихъ простыхъ реальностяхъ, а молодость души, которую онъ сохранилъ, только прочнѣе укрѣпляла и глубже обосновывала эти реальности. Онъ жилъ въ какомъ-то суровомъ и сосредоточенномъ блаженствѣ.

Счастье его проистекало, главнымъ образомъ, отъ его страстнаго отношенія къ своему дѣлу, въ которое онъ вносилъ своеобразный мистицизмъ, и отъ той пылкости, съ которою онъ старался уловить многообразные и измѣнчивые лики жизни. Онъ былъ вмѣстѣ и воиномъ старыхъ временъ, котораго коробила всякая современная мысль, и человѣкомъ, глубоко связаннымъ со своимъ вѣкомъ, въ томъ смыслѣ, что онъ былъ зараженъ всѣми его тревогами, всѣми волненіями, всею его темною мукою. Нанжесъ обладалъ богатствами, но, слишкомъ сосредоточенный въ себѣ, слишкомъ внутренней, онъ не умѣлъ извлекать изъ нихъ радостей. У него было прекрасное прошлое въ Суданѣ, но онъ никогда не ждалъ за него награды. Такіе люди еще существуютъ.

Вмѣстѣ съ Тимотѣ на охоту ходилъ юноша, который ему чрезвычайно нравился. Звали его Морисъ Венсанъ. Онъ былъ сыномъ мѣстнаго сельскаго учителя. Капитанъ Нанжесъ любилъ его взглядъ, знакомившійся съ жизнью, любилъ его нетерпѣніе и былъ счастливъ бродить съ нимъ по привычнымъ, знакомымъ мѣстамъ.

Они вязли въ теплої землѣ. Типина была восхитительная, таинственная, словно сотканная изъ далекихъ, неслышныхъ звуковъ. Время отъ времени то одинъ, то другой подзывали свистомъ стараго сеттера Брике...

Въ послѣдній день, въ день отъѣзда Нанжеса въ Шербургскій гарнизонъ, они вышли рано на охоту. Моросилъ мелкій дождь. Оба молчали. Капитанъ былъ не изъ говорливыхъ. Они шли около часу, когда онъ вдругъ сказалъ:

— Погода не плоха. Длинныя ночи и дожди помогутъ землѣ хранить запахъ дичи. Гончимъ будетъ работа...

— Да, г. Нанжесь, вы уѣзжаете въ неблагопріятную минуту. Скоро бекасы прилетятъ...

Оба любили природу и знали ее, но не какъ художники и поэты, а основательно; знали не лиризмъ ея, а ея повседневную жизнь; любили ее не поэтически, а смиренно, по-братски. Оба, хотя и въ разной степени, были хорошо подготовлены. Отецъ Мориса, туманный и многорѣчивый теоретикъ, не лишенный честолюбія, отослалъ сына въ раннемъ дѣтствѣ въ гимназію въ Мо. Опередивъ элементарное развитіе г. Венсана, мальчикъ въ коллегѣ пристрастился къ хорошимъ книгамъ, къ изящной словесности, къ красотѣ языка, къ идеямъ. Но въ немъ не пропала и дѣтская любовь къ природѣ. Онъ чувствовалъ себя лучше въ поляхъ, окропленныхъ осеннею росой, чѣмъ въ учебной комнатѣ. Спертый воздухъ классныхъ преслѣдовалъ его. То было какъ бы смутное предчувствіе, что въ родной долині онъ будетъ въ большей безопасности, чѣмъ въ сумрачныхъ академіяхъ современныхъ педагоговъ. Въ этомъ онъ сходилъ съ капитаномъ Нанжесомъ, вступившимъ на ту же дорогу, но болѣе сознательно, изъ ненависти къ тому, что въ настоящее время зовется интеллектуализмомъ, въ противоположность, разумѣется, просто разуму.

Охотники шли по широкому плоскогорью, мокрый вѣтеръ наполнялъ все кругомъ тоскою. Капитанъ подстрѣлилъ четырехъ ржанокъ, заблудившихся въ жнивѣ; было поздно, и они направились завтракать въ знакомый трактиръ.

Охваченный волненіемъ, которое онъ старался сдерживать, опьяненный вѣтромъ и запахами, капитанъ вспоминалъ за завтракомъ свои охоты въ далекомъ Суданѣ, походъ въ Африкѣ, былые труды и тяготы. Юношѣ рисовались суровыя равнины, солнце, люди, передвигающіеся съ трудомъ. Но онъ былъ сынъ учителя Венсана и никогда раньше не слыхивалъ подобныхъ разсказовъ. Можно вообразить, какое волненіе вызывали въ душѣ его эти новые для него отзвуки.

Французъ вѣчно рассуждаетъ и ищетъ доказательствъ. Морисъ, слушая разсказы капитана, хотѣлъ взвѣсить и оцѣнить испытываемое волненіе. На вѣру онъ не хотѣлъ принять ни воинственныхъ картинъ, рисовавшихся его воображенію, ни вообще этихъ далекихъ красивыхъ отзвуковъ. Онъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые идутъ добровольно на извѣстную двойственность: пусть сердце тронута, а разумъ молчитъ. Каково же было положеніе Мориса относительно капитана Нанжеса?

Морисъ горѣлъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ пылъ, который считалъ давно угасшимъ, ибо наставники научили его сладкимъ мелодіямъ человѣчности. Онъ дрожалъ при шелестѣ широкихъ крыльевъ Славы; развѣ онъ не внималъ героической эпопеѣ? Но онъ тотчасъ спохватывался, негодовалъ на движеніе сердца и, въ качествѣ примѣрнаго ученика, проклиналъ войну.

Чтобы лучше уяснить себѣ этотъ маленькій внутренній поединокъ, надо припомнить, что дѣло происходило въ минуту торжества пасифистовъ. Отвергалось всякое примѣненіе, всякое проявленіе силы. Надо было—въ кругу Мориса это вмѣнялось въ обязанность—унижать армію, и особенно, когда она выполняла военную задачу, дѣйствуя въ колоніяхъ. Надо было ненавидѣть ружья, и особенно, когда они служатъ для стрѣльбы. Это была главная тема эпохи, ея лейтъ-мотивъ и какъ бы одна изъ общественныхъ задачъ момента. Допускались, правда, нѣкоторыя измѣненія. Одни люди—къ числу ихъ принадлежалъ отецъ Мориса—проклинали солдатъ и военное знамя. Другіе мечтали объ арміи, которая была бы продолженіемъ свѣтской обязательной начальной школы, послѣшкольнымъ дѣломъ, по любимому выраженію той эпохи; словомъ, въ силу какого-то страннаго противорѣчія, армія должна была стать орудіемъ самого пасифизма. Въ народѣ, какъ и въ буржуазіи, многіе находили устарѣвшими и недостойными нашего времени старыя воинскія народныя доблести и жаждали покоя, которымъ такъ дорожатъ честныя и робкія души. Можетъ ли молодой человѣкъ отколоться отъ эпохи и не исповѣдовать столь высокихъ чувствъ? Но пусть на его пути встрѣтится прохожій, расскажетъ ему о далекомъ походѣ, вызоветъ въ его воображеніи картину степи, съ высокою травой, въ которой ползутъ солдаты, съ ружьемъ въ рукѣ, грохотъ осады въ трепетномъ свѣтѣ южнаго дня,—и старыя дрожжи поднимаются. То, что спало, пробуждается, и если юноша искренивъ, то онъ ставитъ все на карту.

Въ сельскомъ трактирѣ въ Бри, въ то время какъ охотники отдыхали, попивая новое легкое аваллонское вино, разыгрывалась маленькая драма.

Въ волненіи молодой человѣкъ думалъ, но не смѣлъ высказать:

— Армія—прекрасна, и злословить ее, какъ то дѣлаетъ отецъ, нехорошо, я это чувствую. Но къ чему всё эти побѣды, всё эти злоупотребленія неправою силой, нездоровымъ хмелемъ которой, я вижу, уже опьяненъ капитанъ Нанжесь? Я не хочу растрогиваться передъ доблестными поступками,—они внушаютъ мнѣ гро-

мадное преклоненіе передъ тѣмъ, кто ихъ совершаетъ, но они отдають средневѣковьямъ. Быть можетъ, армія достигла бы болѣе трезвой, болѣе современной красоты, если бы захотѣла стать скромной воспитательницей націи и отказаться отъ дорого стоящихъ и сомнительныхъ военныхъ забавъ. Ибо, если..

Но то была уже уступка. А развѣ не захватывалъ этотъ споръ, вовлекавшій въ дѣло столько противоположныхъ и равныхъ силъ, въ безразсудномъ согласіи которыхъ и заключалась именно болѣзнь вѣка? Въ сущности Морисъ Венсанъ не желалъ этого согласія, этого примиренія. „Надо бороться,—говоритъ Паскаль.— Это не добровольно, человѣкъ принужденъ къ этому“. Морисъ былъ честенъ. Онъ не хотѣлъ испытывать пріятныя душевныя волненія, слушая рассказы Нанжеса, и въ то же время не слѣдовать за нимъ туда, куда тотъ хотѣлъ его увлечь; не хотѣлъ брать все и не давать ничего. Онъ понималъ, что въ подобномъ спорѣ дѣло не въ томъ, чтобы быть до извѣстной степени *за*, или до извѣстной степени *противъ*. Невозможно, чтобы сердце проводило свою границу, а разсудокъ свою, чтобы и воображеніе и чистая теорія были одинаково заинтересованы. Между этими крайностями колебаться было невозможно. Надо было рѣшать.

Это и высказалъ капитанъ Нанжесъ, когда, расплатившись съ хозяйкой, они очутились снова на Мелюнской дорогѣ.

— Всѣ эти волненія—онъ говорилъ объ африканскомъ походѣ—ничто безъ осмысливающей ихъ идеи. Не слишкомъ большая доблесть, дорогой Морисъ, умереть отъ жажды въ пустынь. Но большая доблесть—имѣть идею или,—если хочешь употребить гонимое слово,—имѣть вѣру. Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы—сила прошлаго. Это вѣрно. Съ нами невозможны никакія соглашенія, никакія сдѣлки. Солдаты—человѣкъ изумительной простоты. Наша настольная книга заключаетъ въ себѣ всего нѣсколько теоремъ, которыхъ достаточно для нашихъ потребностей. Но зато изъ нея ничего уже не выкинешь, ничего къ ней не прибавишь. Если выкинуть или прибавить, какъ бы мало ни было, то уничтожается все. Ничтожнѣйшее добавленіе или пропускъ ведутъ къ полному извращенію. Я не требую..

Сколько силы было въ этой искренности, и именно въ искренности! Капитанъ не часто говорилъ такъ. Но надо сказать, что во время долгихъ прогулокъ за послѣдніе дни Морисъ Венсанъ страшно заинтересовалъ его. Дѣло не въ томъ, что они, какъ мы уже говорили, обмѣнялись большимъ количествомъ словъ. Но Морисъ казался ему человѣкомъ значительнымъ или, по Эмерсону, однимъ изъ „представителей человѣчества“.

Юноша обладалъ лучшими качествами своей расы, богатымъ духомъ латинскихъ народовъ, но духомъ, не оторваннымъ отъ земли, отъ почвы. Онъ былъ превосходный охотникъ и проявлялъ на охотѣ всего себя, свою смѣлость, рѣшительность, изобрѣтательность, здравый смыслъ и тонкость. Охота во Франціи является менѣе спортомъ большихъ баръ, нежели занятіемъ людей, принадлежащихъ къ классу Венсана: богатыхъ крестьянъ, мелкихъ дворянъ, чиновниковъ, небогатыхъ помѣщиковъ. Морисъ Венсанъ, въ бархатныхъ панталонахъ, въ сѣрыхъ полотняныхъ гетрахъ, въ грубой шерстяной фуфайкѣ, надѣтой подъ куртку, съ разсудительнымъ видомъ и медленною рѣчью, типиченъ для этого класса. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, явленіе значительное, которое въ обстановкѣ Иль-де-Франса можетъ проявить всю свою цѣнность. Нанжесъ во время прогулокъ съ нимъ подмѣтилъ въ немъ серьезность, извѣстный возвышенный тонъ, потребность въ системѣ, въ порядкѣ, вмѣстѣ съ наивною самостоятельностью.

— Я не требую, — продолжалъ Нанжесъ, — чтобы ты соглашался со всѣмъ, что я говорю. Многие солдаты даже — увы! — не принимаютъ этого. Люди возстаютъ противъ мелочей. Даже тѣ, кто не порицаетъ общаго, порицаютъ отдѣльные факты, грубость капраловъ, бесполезность нѣкоторыхъ „притѣсненій“ или тяжелыхъ работъ, налагаемыхъ безъ видимой причины, часто встрѣчаемое въ казармѣ презрѣніе къ „баккалаврамъ“, къ „интеллигентамъ“, ту или иную суровость, оскорбляющую индивида. На болѣе высокой ступени тѣ, кто не порицаютъ принципа, порицаютъ его приложение, его случайное примѣненіе, и тогда уже имѣютъ въ виду завоевательную армію. Всѣ неправы. Надо выбирать. Это непреклонное цѣлое: каждая вещь имѣетъ въ немъ свое мѣсто, или оно — ничто. „Тотъ, кто не за меня, — противъ меня“. Ты много читалъ, дитя, и слова твоихъ учителей привили тебѣ тревогу современной совѣсти. Но въ томъ, что меня занимаетъ въ настоящее время, чтеніе — второстепенная вещь. Армія — предметъ вѣры. Если даже ты и послѣдуешь за мною, то я не требую, чтобы ты остался въ арміи всю жизнь. Я желалъ бы только, чтобы, поступая на военную службу, ты думалъ заранѣе, что найдешь тамъ все хорошимъ. Напомню тебѣ нашего великаго Паскаля. Онъ требовалъ, чтобы человѣкъ выполнялъ религіозные обряды раньше, чѣмъ начиналъ вѣрить, и онъ пишетъ знаменитыя слова: „Естественно, это заставить васъ вѣрить и поможетъ вамъ поглупѣть. — Но этого-то я и боюсь. — А почему? Что вы потеряете?“ Я, съ своей стороны, не боюсь этихъ крайностей.

Быть можетъ, въ данномъ случаѣ Нанжесъ заходилъ через-

чурь далеко. Но оказалось, что онъ говорилъ именно то, что нужно было. Его рѣчи были полезнымъ отвѣтомъ на уроки г. Венсана.

Раздираемый между двумя лагерями, Морисъ долженъ былъ слушаться своего сердца. Онъ сознавалъ опасность. Пойти за деревенскимъ учителемъ значило потерять все,—и настоящее познаніе самого себя, и примѣненіе своихъ здоровыхъ силъ. Его прирожденныя добродѣтели уже не найдутъ себѣ приложенія.

Нанжесъ былъ гордъ, что нанесъ ударъ, могущій погубить или спасти молодого человѣка. Или Морисъ обрѣтетъ себя и вмѣстѣ съ тѣмъ найдетъ свою настоящую дорогу, или, наоборотъ, онъ испугается силъ прошлаго и, подобно многимъ другимъ, пойдетъ на лицемѣріе, согласится на двойную игру, возмущающую его теперь. Въ самомъ дѣлѣ, въ ту минуту, когда онъ замѣтилъ, что увлеченъ страстными разсказами капитана, развѣ онъ уже не отброситъ это лицемѣріе? Все это такъ спутано, что онъ не рѣшается итти дальше. Онъ желаетъ только вѣрить въ жизнь.

Когда капитанъ и онъ поровнялись съ первыми домами Вуланжи и нѣсколько успокоились послѣ глубокихъ экскурсовъ внутрь себя, они увидѣли на тропинкѣ, шедшей черезъ поле, красивую, свѣжую молодую дѣвушку, почти ребенка, за которою бѣжала убранныя лентами козочка.

— Ахъ, г. Тимотэ,—весело сказала юноша,—вы еще не знакомы съ моею молоденькою пріятельницей. Ее зовутъ Клэръ Монестье. Не правда ли, она мила?

Подойдя къ дѣвушкѣ, онъ взялъ ее за руку и съ дѣтскою гордостью сказалъ, что представляетъ ей Нанжеса, капитана колониальной артиллеріи.

Тонъ, которымъ было сдѣлано представленіе, не ускользнулъ отъ Тимотэ. То было новымъ указаніемъ. Когда они пошли дальше, направляясь къ дилижансу Креси, Морисъ сказалъ:

— Мы еще не женихъ и невѣста. Но когда-нибудь поженимся.

Эта любовная простота привела въ восторгъ капитана. Онъ видѣлъ въ ней не страсть, а нѣжное, тонкое, хорошее, прочное чувство. Ни малѣйшаго любовнаго любопытства, ни малѣйшаго нетерпѣнія. Ничего, кромѣ прямого, яснаго взгляда, въ которомъ свѣтилась воля.

II.

Вотъ, что вспоминалось капитану Нанжесу однажды зимнимъ утромъ, нѣсколько дней спустя послѣ возвращенія въ Шербургъ.

Онъ только что покинулъ постель, на которой еще спала его любовница, и съ печалью думалъ о юношеской, идиллической любви.

Едва свѣтало. Нанжесъ перешелъ въ уборную, взялъ душъ, выбрился и спѣшно одѣлся. Затѣмъ, съ чувствомъ удовлетворенія подвиль себѣ усы и вернулся въ спальню. Ему хотѣлось поскорѣе очутиться на дворѣ, на сырости, подъ холодными каплями дождя, принесеннаго морскими вѣтрами. Отъ тяжелаго аромата въ спальнѣ кружилась голова. То былъ знакомый ароматъ любовныхъ ночей, ароматъ простынь, влажныхъ отъ пота и ядовитой вервены, ароматъ желаній и ночи. Жизнь окутана тьмою. Кажется, будто человѣкъ прожилъ годы въ темницѣ, и ни разу лучъ свѣта не проникалъ туда. Хочется свѣта, чистоты.

Нанжесъ нащупалъ какія-то ткани, опрокинулъ какой-то флаконъ. Его охватило нетерпѣнiе. Наконецъ, онъ отыскалъ хлысть съ тяжелымъ золотымъ набалдашникомъ и перчатки.

Едва очутился онъ на улицѣ, какъ почувствовалъ, что силы его удесятерились. Онъ былъ пьянъ своею вѣчною молодостью. На пустынной площади Наполеона мокъ подъ дождемъ одинокий морской офицеръ. Нанжесъ позабылъ свое отвращенiе къ любви съ ея нищетою. Въ туманѣ неяснымъ силуэтомъ вставала копная статуя императора. На какія огненныя мысли наводило все это: арсеналь, дома, передъ нимъ безпредѣльная сѣрая зыбь, вдали—бетонная глыба острова Пеле, мечта, изваянная изъ камня.

Вѣстовой подвелъ лошадь. То было красивое животное, сильное и мускулистое, стройное и легкое; Нанжесъ купилъ его недавно на ярмаркѣ въ Нормандiи, такъ какъ ему наскучили полковыя лошади; объ этой онъ нѣжно и любовно заботился.

Нанжесъ легко вскочилъ въ сѣдло. Шагомъ проѣхалъ вдоль коммерческаго порта, надъ которымъ, на обрывистыхъ скалахъ, высится фортъ Руль. Онъ любилъ читать въ порту названiя угольщиковъ и транспортныхъ судовъ: Спецiя, Мельбурнъ, Багiя,—дальнiя имена, легкiе звуки, съ южнымъ, экзотическимъ оттенкомъ, будившiе въ немъ тоску.

На Валонской дорогѣ, прямой и пустынной, Нанжесъ пустилъ лошадь рысью. Чудесная вещь послѣ любовной ночи! Сейчасъ онъ думалъ о своей кобылѣ, а не о красавицѣ Валери, утомленной поцѣлуями и спавшей еще въ постели. Вѣришь, если онъ и думалъ объ этой женщицѣ, то гдѣ-то въ глубинѣ, въ какомъ-то ннжнемъ этажѣ своего сознаниа; онъ испытывалъ радость отъ того, что онъ не наединѣ съ нею, не бокъ-о-бокъ, что движенiя его свободны и радостны, что онъ избавился отъ смертельной скуки, которую испытывалъ въ объятiяхъ любовницъ. Онъ

отдавался простой прелести зимней природы, прислушиваясь къ каждому мигу ея жизни, словно то былъ лучшій изъ всѣхъ миговъ.

Съ холма Тимотэ увидѣлъ море между двумя скалистыми, покрытыми мохомъ возвышенностями. Море походило на прозрачный кубокъ, съ широкими краями, на прекрасный кратеръ, въ которомъ дремала сѣровая влага. Онъ хорошо зналъ это мѣсто. Онъ зналъ, что за нимъ находятся зданія стараго арсенала, низкія мачты броненосцевъ, лабиринтъ амбаровъ и доковъ, бассейны для починки судовъ, мастерскія, груды металла, черные клубы дыма. Онъ остановился и повернулъ къ городу. Онъ захотѣлъ снова увидѣть это зрѣлище: это напоминало ему вѣздъ въ Лондонъ черезъ Чарингъ-Кроссъ ночью. Онъ находилъ какое-то странное успокоеніе въ томъ, что нормандскія степи господствовали надъ грубою силой вооруженій и оснастокъ вдали.

Счастливымъ, простой, рѣшительный человѣкъ, сотканный изъ мгновенныхъ переживаній, Нанжесъ позабылъ уже о юношѣ изъ Креси.

Его мысль идетъ, распространяясь не по поверхности, а вглубь, погружаясь неожиданно и внезапно.

Скромный видъ нормандскихъ холмовъ, зрѣлище города, напоминающаго какой-то очагъ алхиміи, помогъ ему забыть,—какъ не заставило бы ни одно счастливое воспоминаніе,—и посредственный уровень гарнизона, и крушеніе его былой мечты о мощной, гордой и непримиримой арміи. Онъ лишь живо ощущалъ эту сгущенную механическую, металлургическую и промышленную силу, готовую къ укрощенію рока.

Бываютъ такія утра, когда намъ кажется, что мы касаемся чистѣйшей красоты вселенной. Среди наихудшей обыденщины мы остаемся чисты и чувствуемъ, какъ ни одна капля изъ того, что прекрасно, не пропадетъ въ насъ. Въ такія минуты одиночество возвышаетъ; оно заставляетъ забыть все дурное, что мы видѣли въ жизни. Таковъ былъ Тимотэ. По утрамъ, пьяный силою своихъ мускуловъ, онъ готовъ былъ ринуться на завоеваніе звѣздъ, а въ иные вечера изнывалъ, тоскуя, что столько силы оставалось въ немъ неизрасходованной къ концу дня.

Нанжесъ, немолодой уже человѣкъ, напѣвалъ, подъѣзжая къ артиллерійскому кварталу. Ему казалось, что онъ мало цѣнилъ до сихъ поръ эту строгую, древнюю, военную красоту, которая здѣсь бросается въ глаза на каждомъ шагѣ, начиная съ подъемнаго моста старой крѣпости и кончая артиллерійской казармой.

Его поѣздка въ Вуланжи была еще слишкомъ свѣжа, чтобы

превратиться въ воспоминаніе. Межъ тѣмъ, безъ его вѣдома, она господствовала надъ его жизнью и наполняла ее тысячью еле уловимыхъ звуковъ, составлявшихъ какую-то неясную гармонію. Достаточно было малѣйшаго толчка, чтобы Нанжесъ перенесся туда мыслью. Случай принудилъ его высказать тамъ нѣкоторыя сокровенныя мысли, такъ что теперь онъ старался вглядываться пристальнѣе, провѣряя себя самого. Работа столь же бессознательная, какъ работа кристалловъ, соединяющихся, слѣдуя геометрическому закону.

У воротъ казармы Нанжеса привѣтствовали сухія, четкія движенія часового, отдававшаго честь. Лицо солдата, стоявшаго подъ ружьемъ, заинтересовало капитана. То былъ молодой человекъ съ гордымъ взглядомъ, со скромною, благородною осанкою.

„Итакъ,—подумалъ Нанжесъ,—нѣжный цвѣтъ свободы, гордая лилія Франціи, желающей жить, расти повсюду. Вотъ она поднимается, хрупкая, но сильная, у покрытыхъ газономъ бастионовъ нашей древней крѣпости“.

Нанжесъ вѣхалъ въ казармы. У гауптвахты артиллеристы встали.

„Голову держать высоко, свободно, смотрѣть прямо передъ собою,—подумалъ Нанжесъ.—Какой иной уставъ, кромѣ французскаго, могъ сказать это? Въ этой фразѣ—вся наша сила!“

Онъ повернулъ вправо и очутился передъ конюшнями. Подбѣжалъ вѣстовой; Нанжесъ спрыгнулъ съ лошади и оглядѣлся. Вдругъ онъ очутился вдали отъ всего міра. То было мгновенное, но неодолимое ощущеніе.

Дѣйствительно, шумъ города совсѣмъ не доносился въ тотъ особый военный городъ, который въ Шербургѣ зовется Арсеналомъ. Тамъ не видишь ничего современнаго, и поэтому человекъ можетъ почувствовать себя тамъ очень далекимъ во времени и очень одинокимъ въ пространствѣ. Торжественная тишина царила во дворикѣ. Одна лошадь, убѣжавъ изъ конюшни, била копытомъ о землю. Все дремало въ тяжеломъ свинцовомъ свѣтѣ сѣвернаго моря. Одинокій, далекій отъ всѣхъ, Нанжесъ почувствовалъ, какую глубокую правду онъ высказалъ въ Вуланжи нѣсколько дней тому назадъ.

„Ничего иного и нѣтъ,—подумалъ онъ.—Мы, солдаты, не современные, не новые люди; а эти тяжелыя зданія, защищенныя откосами, эти пустыри военной зоны—хорошіи пріютъ для насъ“.

Онъ чувствовалъ, что представляетъ собою огромную силу прошлаго, единственную, на-ряду съ церковью, которая осталась чистой, не загрязненной, не обезцвѣченной распутствомъ совре-

менности. Воины—не люди прогресса. Не измѣнилась въ нихъ душа, не измѣнились и правила, и ученіе. Эту первобытную простоту и чистоту, составлявшую ихъ достояніе, Нанжесъ находилъ снова здѣсь, отлично предохраненную отъ всякаго оскверненія. Прогрессъ—одинъ изъ видовъ американизма, американизмъ же вызывалъ въ немъ отвращеніе.

— Прогрессъ, вещь нетрудная,—говаривалъ онъ.—Трудно, наоборотъ, остаться вѣрнымъ самому себѣ, быть утесомъ, на который обрушиваются всѣ бури, а онъ стоитъ, и никакіе ураганы не могутъ его поколебать.

Прекрасно, что въ арміи одинокое раздумье можетъ быть лишь суровымъ и пламеннымъ. Въ это утро изъ нѣкоторыхъ сопоставленій Нанжесъ видѣлъ, какимъ должно быть воспитаніе солдата. Среди этой суровой обстановки онъ не боялся, что влилъ слишкомъ крѣпкую жидкость въ душу юнаго Венсана.

Чего ему въ это время недоставало, такъ это католической мысли. Но не настроенія Fioretti. Онъ шелъ къ Паскалю, къ Ж. де Мэстру. Онъ естественно обращался къ этимъ прекраснымъ, прямымъ стволамъ, безъ случайныхъ развѣтвленій, безъ узловатыхъ сучковъ,—стволамъ, въ которыхъ всѣ соки идутъ прямо къ небу, бьютъ вертикально отъ земли къ зениту. Вотъ единственная красота, которую онъ принималъ. Подобно тому какъ причастіе, которое получали наши предки, есть именно то причастіе, которое получаемъ мы, подобно тому какъ ихъ исповѣдь—наша исповѣдь, а ихъ молитвы—наши молитвы, такъ же точно неизмѣнными остались нравы и обычаи солдатъ, и для рыцаря по-прежнему существуетъ лишь одинъ способъ получить шпоры. Такимъ образомъ, онъ видѣлъ передъ собою два непоколебимыхъ порядка, на которые ничто не въ состояніи посягнуть, даже внутреннія измѣны. Двойная непрерывность, изъ которыхъ одна, быть можетъ, не менѣ примѣчательна, чѣмъ другая. Но онѣ идутъ рядомъ, онѣ сопряжены.

— Армія и церковь не заключаютъ сдѣлокъ,—говаривалъ Нанжесъ;—въ этомъ наша сила и сила церкви. У насъ одна слава и одна сила. Мы изъ чистаго металла.

Нанжесъ не шелъ путемъ благодати. Но онъ любилъ все, что имѣетъ чистый звукъ, хрустальный колокольный звонъ сельской церкви и рѣзкій сигналъ трубы. Не мало есть солдатъ, которые привыкли чаще глядѣть въ небо, чѣмъ на землю.

Два дня тому назадъ онъ счелъ душу Мориса достаточно хорошо закаленной, чтобы вынести свѣтъ тѣхъ великихъ истинъ, которыя онъ ему открылъ. Онъ стыдился бы предложить ему

вылинявшую истину. Къ тому же онъ слишкомъ вѣрилъ въ молодое поколѣніе, вложилъ въ него слишкомъ много надеждъ, черезчуръ высоко почиталъ его, чтобы считать его лишеннымъ огня.

Капитанъ снова вышелъ на большой дворъ. Докладъ былъ оконченъ, и офицеры разошлись. Оставался только поручикъ Лабастьеръ. Артиллеристы проходили мимо, неся котлы. Вдали, словно воздушныя башни, видѣлись металлическія мачты военныхъ кораблей.

Лабастьеръ подошелъ къ Нанжесу. То былъ маленькій человекъ съ восковымъ цвѣтомъ лица. Глаза его мигали за стеклами пенсне. Онъ томился во Франціи и подаль прошеніе о назначеніи его въ Африку. Не могъ примириться со своимъ бездѣйствіемъ.

— Я выхожу въ отставку, капитанъ,—сказалъ онъ Нанжесу.— Мое прошеніе не уважено. Вотъ уже три года, какъ я въ Шербургѣ! Если дѣла пойдутъ тѣмъ же ходомъ, намъ только и остается, что перейти въ „войну“!

Такъ въ арміи обозначаютъ войска метрополіи въ отличіе отъ колониальныхъ войскъ.

— Лучше разстаться съ мечтами,—прибавилъ онъ,—чѣмъ вѣчно носиться съ ними.

Нанжесъ на частномъ случаѣ еще разъ столкнулся съ огромною драмой современной арміи. Части, къ которой онъ принадлежалъ, приходилось послѣдней страдать отъ этого кризиса. Въ это время ощущались его первые предвѣстники. Столько мощи, столько неиспользованной силы и такъ мало дѣйствія, столько обѣщаній и такъ много безплодія, столько плановъ и такъ мало реального,—все это вело къ нарушенію равновѣсія. Существовало огромное несоотвѣтствіе между тѣмъ, сколько можно было использовать энергіи, и тѣмъ, сколько дѣйствительно было использовано, между матеріаломъ, подлежащимъ употребленію, и дѣйствительнымъ употребленіемъ. Эти мысли были знакомы Нанжесу. Но онъ ограничился тѣмъ, что предостерегъ молодого человека отъ пессимизма.

— Ваше нетерпѣніе,—сказалъ онъ,—дѣлаетъ вамъ честь. Но неужели же вы думаете, что въ насъ такъ и не будутъ нуждаться для тѣхъ дѣлъ, которыхъ вы жаждете? Я хотѣлъ бы, чтобы у васъ было болѣе вѣры, Лабастьеръ. И, знаете, если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, я не подаль бы прошенія. Такого рода поспѣшность ведетъ обычно къ незначительнымъ результатамъ, и я не разъ замѣчалъ, что нѣкоторая безпечность и фатализмъ въ

жизни оказывали намъ большія услуги. Наше достоинство заключается въ терпѣливомъ и суровомъ пріятіи. Въ молчаніи и смиреніи должны мы его добиваться.

Исходя отъ Нанжеса, слова эти для человѣка, знавшаго его жизнь, имѣли огромную силу.

Они медленно вышли изъ казармъ. Прошли вдоль позеленѣвшихъ стѣнъ Арсенала. Вправо поднимались откосы, покрытые зеленымъ газономъ; между ними и старыми зданіями казармъ тянулась аллея или проспектъ, по которому ѣхали артиллерійскія повозки, всадники, солдаты. Во всемъ была какая-то прямолинейная строгость, какъ отпечатокъ великаго вѣка, какая-то гармонія, созданная эпохой и традиціей. Въ этихъ цитаделяхъ прошлаго, въ этихъ окопахъ, въ этихъ реданахъ человѣкъ быстро получаетъ отвращеніе къ остальному міру за ихъ предѣлами. Нанжесъ удивилъ спутника, когда, погруженный въ свои мысли, вдругъ сказалъ:

— Мы довольны нашимъ благородствомъ. Никто у насъ не сможетъ отнять его. Были попытки. Говорили одно время о сляніи съ націей. Морально мы остаемся выше. Нація не похожа на насъ: она безостановочно стремится по пути прогресса. Наша роль заключается въ томъ, чтобы сохранить извѣстное моральное достояніе въ томъ видѣ, въ какомъ мы его получили.

Лабастьеру будущее представлялось въ болѣе мрачномъ свѣтѣ:

— Мы едва занимаемъ мѣсто въ жизни, а черезъ нѣсколько времени мы совсѣмъ его утратимъ. Все эволюционируетъ, и, принимая во вниманіе ходъ вещей, мы скоро будемъ снесены бурей. Намъ надо или умереть или пріобрѣсти чувство современной реальности.

Лабастьеръ былъ, если можно такъ выразиться, „модернистомъ“. Въ арміи также есть свой модернизмъ. Модернизмъ является великимъ испытаніемъ церкви. Онъ—испытаніе также и для арміи. Но Нанжесъ думалъ, что и та и другая обезпечены побѣдой. У Лабастьера вырвалось горькое замѣчаніе, отъ котораго у Нанжеса сжалось сердце:

— Тѣмъ временемъ мы готовимъ себѣ годы, пустые въ смыслѣ исторіи, и—это особенно страшно—совершенно пустые. Думаете ли вы о томъ, что скажутъ о насъ въ послѣдствіи историкки? Наши дѣти прочтутъ въ своихъ учебникахъ: „Отъ 1880 г. до 19... торговля и промышленность процвѣтали“. Надо же глядѣть впередъ. Для чего мы нужны, если не для того, чтобы дѣлать исторію, и если мы не дѣлаемъ ея, то кто же будетъ ее дѣлать?

Наступило молчаніе, которое было прервано поручикомъ. Онъ говорилъ вполголоса, словно съ самимъ собою, но Нанжесъ ясно слышалъ:

— Вотъ до чего можетъ довести забвеніе родной земли.

Этотъ мрачный разговоръ оборвался тогда, когда оба офицера подошли къ памятнику моряковъ, павшихъ въ колоніяхъ. Наступила минута молчанія. Нанжесъ и поручикъ, передъ тѣмъ чтобы разстаться, стояли молча, какъ бы удивленные этими суровыми мыслями, то и дѣло врывавшимися въ повседневный обиходъ ихъ службы. Нанжесъ колебался.

Поручикъ шелъ играть въ бриджъ. Но Тимотэ не пойдетъ. Онъ слишкомъ взволнованъ. Ему надо остаться одному, сосредоточиться. Онъ предпочитаетъ вернуться домой и провести долгіе сѣрые послѣполуденные часы, ничего не дѣлая, словно вернувшись послѣ неудачнаго крестоваго похода.

Согласно желанію своего повелителя, прекрасная Валери покинула домъ на площади Наполеона, гдѣ она получала теперь лишь ночное гостепрѣимство, межъ тѣмъ какъ раньше царила здѣсь почти въ качествѣ хозяйки дома. То была старая любовь, и она длилась, тянулась, подогрѣвалась своимъ пепломъ, жила скукою и усталостью.

Комната, въ которую вошелъ Тимотэ, была отдѣлана богато, въ старинномъ вкусѣ. Мебели въ ней было не много, но она была совершенна по стилю. Напрасно было бы искать здѣсь слѣдовъ экзотизма. У Нанжеса не было ни китайскихъ вазъ, ни японскихъ эстамповъ, ни африканскихъ рѣдкостей. У него были только изумительные ковры, среди которыхъ онъ любилъ отдыхать отъ утомленія своей бродячей жизни. На высокомъ каминѣ одиноко стояла бронзовая репродукція *Gattamelata* въ Падуѣ.

Въ комнатѣ пахло еще духами молодой женщины. Этотъ аромат раздражалъ Нанжеса, обуреваемого мрачными мыслями. Онъ поднялся въ крошечную, свѣтлую, выбѣленную известью, пустую комнатку, во второмъ этажѣ. Въ эту келью онъ приходилъ часто курить, мечтать и обдумывать математическое сочиненіе.

На столѣ валялась карта. Онъ машинально взглянулъ на нее и вдругъ впалъ въ экстазъ. Тутъ были и Африка, и Азія, и Океанія, и обѣ Америки. Онъ читалъ названія, отъ которыхъ по его тѣлу пробѣгаль трепеть желанія и тайны: Шетланскіе острова, Небраска, Алеутскіе острова,—далеко, среди ледяной, полярной тьмы.

Рисунъ въ своемъ воображеніи морскія бездны, черныя скалы съ вѣчно кружащими надъ ними бакланами, архипелаги розо-

ваго коралла среди сверкающей лазури Тихаго океана, Нанжесъ забыль и постылую улыбку любовницы, и мрачныя рѣчи Лабастьера.

III.

Морисъ скучаль въ Вуланжи. Мы хотимъ сказать, что онъ не столько изнываль отъ скуки и бездѣлья, сколько отъ внутреннихъ заботъ, отъ неясной душевной боли.

Этотъ голубоглазый юноша съ бурями двадцатилѣтняго возраста соединяль ту простоту сердца, которая спасала его отъ смертельныхъ забавъ ума. Уяснивъ себѣ, что такое образование, прочитавъ немало книгъ, которыя онъ имѣль счастье выбирать довольно удачно, Морисъ оставался сельскимъ жителемъ, и слово „интеллигентъ“ шло къ нему всего меньше. Примѣръ рѣдкій, участь, достойная зависти, но въ то же время и сожалѣнія. Ибо Морисъ не сознаваль ясно своего мѣста въ современномъ обществѣ.

Всего лучше зналь онъ,—и въ этомъ у него не было соперниковъ—безграничныя виды Иль-де-Франса, порою пустынные и всегда залитые серебристо-пепельнымъ свѣтомъ. Въ Вуланжи, на примѣръ, онъ наслаждался, какъ никогда не сможетъ наслаждаться туристъ, красотой широкой равнины, когда послѣ тѣнистыхъ поворотовъ дороги, ведущей изъ Креси, покинувъ романтическія изгибы Морена и кривыя улицы городка, миновавъ всѣ очаровательныя излучины, бухты и другія красоты, достигашь, наконецъ, равнины (которая есть и плоскогорье), а дорога идетъ все прямо, между двумя рядами тощихъ деревьевъ, идетъ вдаль, уже королевская, римская, къ Мелюну. Здѣсь есть рѣзкій переходъ отъ романтизма къ классицизму, который дѣйствуетъ на нервы, на чувства, есть какое-то очищеніе, облегченіе отъ основанія до вершины, до этой чистой и обнаженной сущности. Здѣсь пережилъ Морисъ свои первыя юношескія горести. Здѣсь впервые онъ испугался, видя передъ собою развертывавшуюся перспективу жизни, походившую на эту долину, и такую же пустынную и обнаженную.

Ему знакомы были длинные переходы по этой равнинѣ, по пахотной землѣ или по пару; умѣль онъ также выслѣдить сѣрную куропатку и дрофу. Охота была его единственнымъ спортомъ. Въ этой забавѣ, самой древней, самой первобытной и самой сельской изъ всѣхъ забавъ, нашель онъ достойное примѣненіе своей накопленной энергій. Онъ замѣтилъ, бродя однажды по полямъ, вблизи деревушки Ла-Шапель, что въ охотѣ участвуютъ всегда двое: съ одной стороны, дичь, звѣри, вообще природа, которая и

является въ данномъ случаѣ настоящимъ товарищемъ, а съ другой стороны, охотникъ. То было единственное общество, въ которомъ этотъ дикарь чувствовалъ себя хорошо. Всякое иное звало бы въ немъ отвращеніе, какъ пошлость. Итакъ, въ забавахъ его проглядывали, во-первыхъ, извѣстный отбѣнокъ дикости, которая впослѣдствіи превратилась въ немъ въ стремленіе развиваться внѣ всякихъ соціальныхъ условностей, внѣ всякой „карьеры“, а затѣмъ стремленіе строить свою жизнь согласно особой гармоніи, установить которую, не безъ помѣхъ и затрудненій, онъ старался.

Главною темою его беспорядочныхъ думъ былъ выборъ профессіи и то, на чемъ основать этотъ выборъ. Долженъ ли онъ положить въ основу своей карьеры честолюбіе? Будетъ ли онъ добиваться славы, или, выражаясь скромнѣе, извѣстности? Или, наоборотъ, уйдетъ въ себя, согласно смутной внутренней потребности, согласно закону нравственнаго совершенствованія, на которомъ онъ окончательно остановится? Какая наивность! Но ему не было и двадцати лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ подобныя размышленія позволительны. Развѣ однажды въ Шелль у него не явилось желанія пойти въ монахи? Въ инныя минуты, временно увлеченный теоріями Венсана старшаго, онъ хотѣлъ сдѣлаться выдающимся агитаторомъ, волновать народныя массы и вести ихъ, куда захочетъ.

Межъ тѣмъ онъ принялъ серьезное рѣшеніе, которое для мятежнаго юноши являлось и самымъ благоразумнымъ. Морисъ Венсанъ избралъ книжное поприще: хотѣлъ стать типографомъ или книгопродавцемъ. Это рѣшеніе какъ нельзя лучше согласовалось съ тою общественною необходимостью, которой онъ былъ подчиненъ, и, сверхъ того, это нравилось Венсану старшему, такъ какъ корпорація типографовъ всегда казалась ему наиболѣе пылкой въ той славной борьбѣ, однимъ изъ предводителей которой былъ онъ самъ. Что касается Мориса, то онъ видѣлъ нѣчто иное, угадывалъ другой смыслъ въ работѣ на этомъ благородномъ поприщѣ. У него было живое чувство того, что интеллектуализму пришелъ конецъ, и онъ спрашивалъ себя, не будутъ ли вскорѣ типографы послѣдними представителями французской культуры, подобно тому какъ первыми ея представителями являлись Альды и Этьенны.

Таково было настроеніе Мориса Венсана, когда ему довелось услышать рѣчи капитана Нанжеса. На него онъ произвели необычайное впечатлѣніе. Нанжесъ говорилъ не съ цѣлью вызвать какой-либо живописный эффектъ. Ни одинъ образъ сомнительнаго

экзотизма не портилъ отвлеченнаго мистицизма его рѣчей. Благодаря этому капитанъ показался молодому человѣку еще значительнѣе. Эти бесѣды во время охоты ввели нетерпѣливаго юношу въ новый міръ. Въ сущности, онъ не разсуждалъ, да и кто въ жизни разсуждаетъ, кромѣ философовъ и моралистовъ? Развѣ не смутныя ощущенія, не темныя трепеты, не едва примѣтныя движенія опредѣляютъ и разрушаютъ наши дни, завязываютъ и разрѣшаютъ наши поступки?

Изъ словъ капитана Нанжеса въ памяти Мориса остались не теоріи. Въ него до боли вѣдрилось опредѣленное впечатлѣніе. Онъ понималъ лишь одно. А именно, что нѣкоторыя движенія сердца въ устройствѣ нашей жизни оказываются сильнѣе, чѣмъ всѣ общественныя или семейныя доводы. Отсюда до признанія, что все въ немъ побуждаетъ его слѣдовать до конца за судьбою капитана Нанжеса,—былъ всего одинъ шагъ.

Слушая Нанжеса, Морисъ понималъ не все. Но у него было такое же ощущеніе, какъ у путника, входящаго въ прохладную пещеру послѣ накаленной солнцемъ дороги, или какъ у странника, нашедшаго тепло и уютъ домашняго очага послѣ снѣжной бури; то была рѣзкая перемѣна, переходъ отъ одного порядка вещей къ другому. Все это внушало ему и страхъ, и необъяснимое безпокойство, какъ то жестокое и въ то же время божественно сладостное явленіе, которое есть приближеніе благодати.

Но когда случайная прогулка забросила его въ Шампиньи, то онъ признался себѣ, что судьба когда-нибудь роковымъ образомъ приведетъ его къ Нанжесу. Въ этотъ день онъ не испытывалъ, какъ въ первый разъ, рѣзкаго перелома. Напротивъ, въ немъ, помимо его воли, происходило какое-то устроеніе. Онъ связывалъ свои ощущенія съ другими ощущеніями, испытанными имъ раньше; они оставили въ немъ болѣе глубокіе слѣды, чѣмъ онъ подозревалъ. Онъ припомнилъ, на примѣръ, впечатлѣніе, произведенное на него нѣкоторыми военными разказами, которые онъ читалъ съ увлеченіемъ.

Когда въ это октябрьское утро Морисъ увидѣлъ Шампиньи, то онъ не былъ охваченъ шовинизмомъ при видѣ этихъ домовъ, гдѣ французы, передъ лицомъ врага, оказывали такое изумительное сопротивленіе. Онъ только особенно сильно переживалъ поэзію поля битвы. Сцена, запечатлѣнная въ распространенной картинѣ, возникла въ его памяти и не покидала его. Она зовется „Утро послѣ битвы въ Шампиньи“. Это—простая хромофотографія. На ней изображена мерзлая, грязная, усѣянная трупами улица. Солдаты лежатъ на носилкахъ. На первомъ планѣ свя-

щеникъ склоняется надъ раненымъ, котораго поддерживаютъ два ужасныхъ существа съ забинтованными головами. Позади—домикъ, съ разбитыми ставнями, съ матрацами, загромаждающими окна, и повозка, надъ которой развѣвается флагъ Краснаго Креста. Вотъ что видѣлось Морису въ Шампиньи. Онъ не искалъ здѣсь воинственнаго вдохновенія, волненія патриотическаго порядка. Тысячи фактовъ, извѣстныхъ ему по роковымъ датамъ тридцатаго ноября, перваго и втораго декабря, могли бы прійти ему на память. Но нѣтъ. Между нимъ и этимъ веселымъ торговымъ мѣстечкомъ всталъ живой образъ. Вотъ смутныя связи, возникающія въ душѣ Венсана. Онъ замѣчаетъ, что видѣнїе это занимаетъ его, преслѣдуетъ, что, помимо его сознанія, оно захватываетъ мѣсто въ томъ мѣрѣ, куда ввелъ его Нанжесъ. Морисъ въ немъ уже не чужестранецъ. Онъ тамъ—дома.

Весь во власти этихъ мыслей, Морисъ забылъ и родительскій домъ, и молодую дѣвушку, избранницу своего сердца. Онъ испытывалъ приступы восторга, хотѣлъ плакать отъ радости. Онъ дошелъ до той степени нервности, которая обезпокоила бы всякого, кто не знакомъ съ красотой этихъ юношескихъ порывовъ. Его чувствительность достигла высшаго напряженія. Однажды, когда онъ находился въ состоянїи ученика, ждущаго чудесъ, когда все окружающее казалось ему удивительнымъ, онъ бродилъ вокругъ школьнаго дома. Въ ту минуту, какъ онъ собирался подняться къ себѣ, онъ услышалъ дѣтскіе голоса, произносившіе хоромъ звуки алфавита. Воздухъ былъ легкій, тихій. Дѣтскіе голоса заполняли всю тишину, а время отъ времени раздавался стукъ линейки по каедрѣ,—учитель поправлялъ учениковъ. Голоса были необыкновенно чистые, хрустальные, тѣмъ болѣе, что юноша ничего не видѣлъ и могъ принять это за какой-то концертъ въ воздухѣ, и Морису показалось, что въ эту минуту онъ проникаетъ въ душу родной деревни, что это—интимная, повседневная сцена, относящаяся къ деревенскому коллективу, и онъ былъ увѣренъ, что это впечатлѣнїе неизгладимо.

Его переполнялъ избытокъ чувствъ, и нѣсколько минутъ спустя онъ хотѣлъ бѣжать къ любимой дѣвушкѣ. Къ Клэръ Монестье онъ испытывалъ въ иныя минуты страстное чувство. Онъ ничего такъ не желалъ, какъ того дня, когда нѣжныя узы соединятъ его съ этимъ очаровательнымъ существомъ и обезпечатъ навсегда его счастье.

Они поссорились изъ-за платья, которое онъ требовалъ, чтобы она надѣла.

— Съ тѣхъ поръ какъ вы ходите на охоту съ капитанами,— сказала она,—вы стали необыкновенно горды и требовательны.

На языкѣ французской деревни слово „гордый“ звучитъ, какъ тяжкое оскорбленіе.

Правда, Морисъ сталъ инымъ. Но любовь никогда не могла заполнить собою этой страстной души и удовлетворить всѣ ея богатые запросы. А съ нѣкоторыхъ поръ меньше, чѣмъ когда-либо. Обычно порывы влюбленнаго сердца удовлетворяютъ потребность юноши въ общеніи и въ поэзіи. Но въ душѣ Мориса горѣлъ такой пламень, что лихорадка любви казалась ему приторной и искусственной, а также слишкомъ элементарной, передъ лицомъ столькихъ тайнъ, которыя звали его. Какъ знать, не влекло ли его нѣчто болѣе прочное, чѣмъ любовь,—то, чѣмъ люди живутъ, когда любовь въ концѣ-концовъ уходитъ.

Перечислить всѣ трепетныя движенія этой избранной души невозможно. Быть можетъ, иногда Морисъ мечталъ не о славѣ, а о томъ одинокомъ тайномъ счастьѣ, которое идетъ вслѣдъ за хорошимъ поступкомъ; не о славѣ, которую даритъ міръ, а о славѣ, которую даритъ себѣ самъ человѣкъ и которая есть довольство, и болѣе того, довольство въ аспектѣ вѣчности. Быть можетъ, мечталъ онъ, наивный ребенокъ, о славѣ, въ прямомъ смыслѣ... Какими ничтожными казались ему тогда его мелкія сантиментальныя шалости, которыми онъ хотѣлъ обмануть самого себя!

Клэръ Монестье была нетронутый ребенокъ, простой и смѣшливый, безъ всякаго романтизма, но съ вѣрною душой. Она, казалось, упивалась острою прелестью окружающаго. Самая упорная неврастенія нашла бы въ ея близости полное исцѣленіе. Сверхъ того, она обладала необычайнымъ для своего возраста практическимъ смысломъ, ненавидѣла то, что звала „осложненіями“, и, одѣтая въ короткія платья, рассуждала уже, какъ женщина.

Она ничуть не огорчилась настроеніемъ, которое обнаруживалъ ея женихъ. Она сказала себѣ только, что „мужчины такъ“, и рѣшила посвятить себя его исцѣленію. Они совершили вмѣстѣ нѣсколько прогулокъ.

Однажды Клэръ зашла рано за нимъ въ школьный домъ. Морисъ сошелъ, заспанный, глаза его щурились отъ свѣта, волосы были всклокочены.

— Я жду васъ, лѣнтяй. Мы поѣдемъ въ лодкѣ до мельницы. Мнѣ хочется срисовать церковь Ла-Шапель.

Въ рукахъ у нея былъ ящикъ съ красками, а на головѣ со-

ломенная шляпа, которую поддерживалъ длинный шарфъ, завязанный подъ подбородкомъ. Ящикъ съ красками разсердилъ Мориса.

„Недостаетъ только, чтобы она еще шликала на роялѣ,—подумалъ онъ, поднимаясь наверхъ, чтобы одѣться.—Тогда все было бы вполне закончено“.

Но когда онъ очутился въ лодкѣ, на веслахъ, и смотрѣлъ на нее, сидѣвшую на носу, опустивъ руку въ воду, по которой расходились круги, и щуя глаза отъ удовольствія, то вмѣстѣ со старою любовью онъ ощутилъ смертельную тревогу. Неужели онъ разобьетъ свою жизнь, потеряетъ необходимую ему подругу, пойдетъ навстрѣчу неизвѣстности, когда извѣстное таитъ въ себѣ столько очарованія?

Онъ смотрѣлъ на нее съ тоскою, отъ которой у него сильно билось сердце. Онъ чувствовалъ, что совершить вещи роковыя, написанныя ему на роду, противъ которыхъ онъ итти не можетъ, и уже видѣлъ Клэръ гдѣ-то вдали, истаявшую, призрачную.

Разговоръ коснулся аббатства Жуарръ, котораго Клэръ не знала. Она попросила своего друга свезти ее туда.

— Охотно,—сказалъ Морисъ, улыбаясь,—но съ условіемъ, что вы разстанетесь съ вашею коробкой красокъ.

Монестье-отецъ колебался дать разрѣшеніе. Но онъ былъ добръ, артистъ и богема, и отпустилъ ребятъ вдвоемъ.

Древнее аббатство Жуарръ составляетъ одну изъ границъ,—больше моральную, чѣмъ политическую или естественную—той области, гдѣ человѣкъ дышитъ особымъ воздухомъ. На западѣ граница этой области ясно обозначена монастыремъ Шелль, основаннымъ въ 660 г. св. Батильдой, и гдѣ были убиты нѣсколько Хильпериковъ или Меровинговъ. На сѣверѣ чувствуется переходъ къ Мо, которому трудно сдѣлаться „округомъ“, и онъ навсегда останется „епархіей“. Далѣе къ сѣверу Уаза, другой край, болѣе промышленный; прямо на сѣверъ—Понъ Сень-Максансъ; на сѣверо-западѣ снова совсѣмъ иной край, Меру. На югѣ этого древняго меровингскаго островка естественною границею является рѣчка Иеръ. Едва перейдя за Иеръ, очутишься въ Компьенѣ-Провенѣ: исторически совсѣмъ иной край, совсѣмъ иное историческое прошлое. Эта область, этотъ островокъ и есть родина Мориса Венсана. Жуарръ—одна изъ ея твердынь, самая волнующая.

Молодые люди съ изумительнаго плоскогорья Жуарръ восхищались сначала развертывавшейся передъ ними долиной рѣки Пети-Моренъ, которая неподалеку, на западѣ сливается съ Марной. Они долго любовались милыми изгибами рѣки, вплоть до покры-

таго легкими облачками горизонта, прислушивались въ хрустальномъ воздухѣ къ шумамъ и звукамъ, доносившимся изъ долины, къ лаю собакъ, пѣнію пѣтуховъ, слѣдили взоромъ за тяжелыми гребными судами, казавшимися издали маленькими, словно дѣтскія игрушки. Морисъ называлъ пріятельницѣ деревни по именамъ. Онъ любилъ этотъ край, какъ хозяинъ, и не уставалъ перечислять его сокровища, а Клэръ, въ своемъ миломъ невѣжествѣ, внимала тайнѣ и неизвѣстному.

Разсматривая маленькую церковь Жуарръ, островерхая колокольня которой казалась шпилемъ, воткнутому въ землю, вслѣдствіе волнистости почвы въ этомъ мѣстѣ, онъ сказалъ:

— Надо изумляться, какое превосходное стратегическое положеніе сумѣли занять эти монахи. Я представляю себѣ ихъ монастырь въ видѣ особаго рода крѣпости, откуда взоры могли охватывать громаднѣй, кругообразнѣй горизонтъ христіанскаго населенія.

Клэръ первая предложила пойти „осмотрѣть развалины“. Они разыскали понамаря, у котораго хранились ключи, и проникли въ подземелье, гдѣ можно до сихъ поръ видѣть надгробные камни надъ могилами нѣсколькихъ почтенныхъ аббатовъ. Клэръ была разочарована. Нѣсколько романскихъ капителей, нѣсколько обломковъ, разрушенныхъ временемъ, но благоговѣнно собраныхъ и составляющихъ нѣчто вродѣ музея,—вотъ все, что осталось отъ аббатства Жуарръ.

А между тѣмъ глубокое чувство оживляетъ до сей поры эти мертвые камни. Морисъ ощутилъ это, какъ легкое дуновение. Душа его была полна благодарности, умиленія передъ прошлымъ и благоговѣнія.

Когда они шли лугомъ, онъ поцѣловалъ въ губы подругу: поцѣловалъ цѣломудренно и вмѣстѣ страстно, какъ цѣлуются женихъ и невѣста. Естественно поцѣловать любимую женщину среди благородныхъ развалинъ своей родины. Для любви нѣтъ большей сладости, чѣмъ эти развалины или кладбища.

Межъ тѣмъ Морисъ, направляясь вечеромъ къ маленькой станціи, старался связать впечатлѣнія этого дня съ тѣми, что онъ пережилъ нѣсколько времени тому назадъ съ Нанжесомъ. Связь не была ясна, примиреніе было не легко. Но Морису хотѣлось, чтобы именно капитанъ разъяснилъ ему когда-нибудь истую причину его волненія при видѣ этихъ католическихъ развалинъ.

IV.

Случайно Тимотѣ Нанжесъ вспомнилъ этого юношу, однажды, когда покопался въ объятіяхъ своей любовницы, которая была хо-

рошо сложена и привлекательна. Ему было приятно представлять себя ласки этих двух существ, одинаково молодых, одинаково сродных любви и одинаково очаровательных. Он почти желал, чтобы случай соединил эти два молодых существа, и чтобы он этого не знал, а только испытывал смутное и приятное подозрѣніе. Он повѣдалъ любовницѣ свои странныя мысли.

— Я знаю молодого человѣка,—сказалъ онъ,—въ котораго я хотѣлъ бы, чтобы вы влюбились. Я все время представляю его себя въ вашихъ объятіяхъ, и долженъ признаться, что нахожу необычайную прелесть въ этомъ образѣ.

Прекрасная Валери встрѣтила это признаніе глупѣйшимъ смѣхомъ, какой только можно себя вообразить. Нанжесъ сдѣлался грустенъ, такъ какъ задумался о своемъ возрастѣ, и такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, зрѣлице молодого человѣка, вступающаго въ жизнь, нагоняетъ печаль на сорокалѣтняго. Онъ припоминалъ лихорадочныя стремленія своей юности и, измѣривъ ихъ тщету, былъ готовъ почти презрять человѣчество.

Любовныя воспоминанія связывали его до сихъ поръ съ родиною Мориса. Туда онъ нѣкогда привезъ любовницу, которая умерла отъ чахотки. Тамъ расточилъ онъ сокровища нѣжности, накопленныя имъ въ теченіе многихъ лѣтъ одинокой жизни въ Суданѣ. Теперь образъ жизни заслонилъ образъ смерти, но Тимоѳе не безъ страннаго удовольствія видѣлъ, какъ изъ знакомой почвы, къ которой онъ привыкъ питать лишь страстныя чувства, возникъ этотъ юный Фабрицій-дель-Донго, чьимъ наставникомъ отчасти онъ, повидимому, становился. Когда человѣкъ взрослый и сильный приобретаетъ власть надъ юнымъ существомъ, то онъ испытываетъ весьма сложныя чувства, смѣсь отеческой нѣжности, тщеславія, приятнаго довольства самимъ собою, сладкой надежды на успѣхъ и въ то же время боязни слишкомъ полнаго успѣха.

Нанжесъ боялся вырвать Мориса Венсана изъ его естественной обстановки, заставить его оторваться отъ его среды,—словомъ, произвести маленькій социальный переворотъ, послѣдствія котораго для будущаго были весьма смутны. Онъ боялся, чтобы посѣянное имъ зерно не взошло черезчуръ скоро и слишкомъ быстро не превратилось бы въ живучее растеніе. Ибо если Фабрицій-дель-Донго, которому было шестнадцать лѣтъ, могъ получить свои первые уроки при Ватерлоо, то Нанжесъ не могъ надѣяться, чтобы подобная судьба выпала на долю Мориса Венсана. Есть, повидимому, опасность въ перенесеніи слишкомъ романтическихъ мечтаній, вродѣ мечтаній Стендаля, въ демократію.

Капитанъ осторожно написалъ объ этомъ Морису въ отвѣтъ на письмо, отъ котораго не могъ удержаться юноша, описавъ ему свое посѣщеніе Жуарра.

Время межъ тѣмъ шло, и мысли молодого человѣка часто обращались къ Нанжесу, внезапно, благодаря разнымъ повседневному случайностямъ, цѣпляясь за тысячу размышлений, составлявшихъ повседневную канву его жизни.

Однажды въ Парижѣ Нанжесъ отправился навѣстить одного изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Грандье, капитана конной артиллеріи при военной школѣ. Онъ засталъ его во дворѣ осматривающимъ полукровку, которую держалъ въ поводу артиллеристъ. Былъ часъ чистки лошадей. Могучіе парни, съ обнаженными мускулистыми руками, проводили скребницей по высокимъ лоснящимся спинамъ лошадей. Другіе энергично скребли ихъ щетками. И животныя, и люди производили впечатлѣніе устойчивости, надежности, если можно такъ выразиться.

— Твоя рать,—сказалъ Нанжесъ,—производить отличное впечатлѣніе.

— Почти все—рудокопы съ сѣвера,—сказалъ Грандье.

Много значить обстановка. Старыя военныя зданія, между которыми перекликаются трубы, прерываемыя пронзительными звуками рожковъ, зданія, снабженныя нумерами, по правиламъ инженерной науки, но тѣмъ не менѣе хранящія печать того времени, когда зданія еще не занумеровывались, упорядоченная дѣятельность, царящая повсюду, пчелиный улей: артиллеристы, кирасиры, хрупкая аристократическая національная гвардія,—все это вызываетъ представленіе о громадныхъ военныхъ операціяхъ, о довольствованіи арміи, обозахъ, тыловыхъ частяхъ. Самое точное отраженіе войны—это картина войскъ, напримѣръ, во время маневровъ, тяжелыя повозки, которыя тащатся по грязнымъ дорогамъ, беспорядочныя группы раненыхъ, лазаретныя фургоны, походные госпитали, телѣги съ провіантомъ, походныя кухни, почтовые повозки, все, что обслуживаетъ армію, вся огромная машина, исполинская организація, именуемая однимъ словомъ: тылъ. Далѣе у всѣхъ дверей, у всѣхъ рѣшетокъ, само собою занумерованныхъ, часовые съ ружьями или съ саблей въ рукѣ, а за ними всѣ эти старинныя военныя зданія и всѣ виды военной дѣятельности; эта декорація, внушительная сама по себѣ, являлась достойною рамкой для мощныхъ солдатъ и дородныхъ лошадей Грандье.

— Да,—сказалъ онъ,—почти все—рудокопы съ сѣвера или изъ Па-де-Кале. Взгляни на этого бригадира съ четырехугольнымъ лицомъ, короткимъ, прямымъ носомъ и горящими глазами. Это одинъ

изъ моихъ лучшихъ нижнихъ чиновъ. Этотъ изъ Куррьерера. Онъ рассказывалъ мнѣ свою исторію. А какъ эти молодцы умѣютъ рассказывать! Мы никогда такъ не расскажемъ, какъ они... Всѣ родные его погибли въ шахтѣ. Онъ самъ былъ въ числѣ спасающихъ. Двѣ недѣли рылъ подъ землею въ развалинахъ. Нашелъ голову отца, руку брата. Наконецъ, вышелъ изъ шахты. Наверху, подъ свѣтомъ солнца—стачка. И вотъ для него начинается жизнь партизана. Онъ захватываетъ жандармскій патруль на поворотѣ дороги, убиваетъ жандарма. Въ Куррьерерѣ бросаетъ камнями въ солдатъ... Но всего изумительнѣе въ этихъ рассказахъ тонъ рассказчика, голосъ напряженный, отрывистый, глуховатый, съ ежеминутными паузами. Эти люди съ изумительною легкостью осваиваются съ трагедіей. И какъ все это далеко отъ нравовъ Юга... Это одинъ изъ лучшихъ солдатъ въ моей батарее и одинъ изъ лучшихъ людей, какого я когда-либо зналъ. Я спросилъ его, какъ примиряетъ онъ свое прошлое и свое настоящее поведеніе. И вотъ буквально, что онъ мнѣ сказалъ: „Когда я служилъ синдикату, я боролся за синдикатъ. Теперь я служу въ арміи, и буду сражаться за армію“.

— Съ такими людьми не трудно поддерживать дисциплину,—добавилъ Грандье.

Нанжесъ думалъ то же. Свѣтъ, пролитый Грандье, окно, открытое имъ, страннымъ образомъ освѣщали и случай съ его юнымъ ученикомъ. Уголь паденія и уголь отраженія,—они равны.

„Таковы французы“, подумалъ онъ.

Онъ отправился по дѣламъ и забылъ свою бесѣду съ Грандье. Около десяти часовъ вечера онъ очутился въ редакціи газеты, гдѣ у его пріятели, знаменитаго Серва, были политическіе друзья. Когда онъ стоялъ, барабая по стеклу, въ ожиданіи, пока Серва окончитъ свою статью, онъ вдругъ услышалъ, что говорятъ про рѣчь, произнесенную не такъ давно однимъ французскимъ сенаторомъ въ Берлинѣ. Этотъ человѣкъ увѣрялъ нѣмцевъ, что французы ихъ не ненавидятъ, что они даже ихъ любятъ и рады обнять ихъ. Этотъ человѣкъ, носившій почтенное имя, державшійся умѣренныхъ взглядовъ, могшій показаться берлинцамъ весьма достойнымъ представителемъ французской совѣсти, не бывшій ни сектантомъ, ни демагогомъ, а человѣкомъ благоразумнымъ, представлявшимъ собою умѣренное общественное мнѣніе, этотъ человѣкъ сѣлъ въ поѣздъ, совершилъ въ общемъ утомительное для сенатора путешествіе, пожилой, видный человѣкъ, человѣкъ съ вѣсомъ, побезпокоился, чтобы увѣрять нѣмцевъ, что на самомъ дѣлѣ мы на нихъ не сердимся, а напротивъ, будемъ теперъ весьма

благоразумны и скорѣе подставимъ другую щеку, нежели... Вотъ о чемъ французскій сенаторъ поѣхалъ говорить берлинской публикѣ.

Секретарь редакціи положилъ на столъ свой лорнетъ.

— Человѣкъ, который видѣлъ осаду,—сказалъ онъ, подымая руки къ потолку,—который, по всей вѣроятности, пережилъ ее или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ о ней слышать!

Нанжесъ былъ наивенъ и мало освѣдомленъ. Газеты онъ читалъ рѣдко. Онъ удивился. Когда Серва взялъ его подъ руку и увлекъ на бульваръ, онъ былъ радъ тому, что могъ кому-либо повѣдать свое изумленіе.

— Странно,—сказалъ онъ старику,—нѣкоторые люди не чувствуютъ, что такое пораженіе...

— Это оттого...—сказалъ Серва.

И высказалъ глубокомысленное замѣчаніе. Эту странную нечувствительность онъ приписывалъ тому, что въ наше время люди утратили чувство исторіи; въ историкахъ, несомнѣнно, недостатка нѣтъ, но уже, собственно говоря, нѣтъ исторіи.

— Въ этомъ,—добавилъ онъ,—одинъ изъ изумительнѣйшихъ признаковъ нашего варварства.

Они шли по очаровательному бульвару, гдѣ можно чувствовать себя такимъ одинокимъ... Ходили взадъ и впередъ, словно были совершенно одни; больше того, ощущали легкое возбужденіе, обычное въ толпѣ, но гдѣ каждый, тѣмъ не менѣе, остается самимъ собою.

— А за партіями,—продолжалъ Серва,—за отдѣльными личностями, за нашими философами стоитъ Франція, неподвижная, радостная, храбрая, отважная... Взгляните на нее, дорогой Нанжесъ... Франція. Старшая дочь Славы. (Правда, также и церкви). Да, старшая, любимая дочь Славы. Вѣчно воинственная, вѣчно готовая на приключенія... (Тимотэ вспомнилъ въ эту минуту бригадира изъ военной школы.) Вѣчно готовая броситься въ какую-нибудь авантюру, даже не великодушную, даже въ худшее изъ безразсудствъ, если только тамъ пахнетъ славой... Взгляните, мой милый, на полкъ, проходящій по парижскимъ улицамъ, взгляните на пріѣздъ въ нашъ добрый городъ короля какой-нибудь Арауканіи. Взгляните на толпу, если вы умѣете смотрѣть. И скажите, развѣ духъ народа не непоколебимъ?... Не прошло и пятидесяти лѣтъ съ итальянскаго похода, который былъ популяренъ, замѣтте, и не потому, что мы выиграли благодаря ему Савойю и Ниццу. Не въ пятьдесятъ лѣтъ мѣняется духъ народа. Не мѣняется онъ и въ сто лѣтъ,—ни въ какое человѣческое протяже-

ніе времени не можетъ измѣниться божественное въ расѣ. Это никогда не умираетъ.

Такъ говорилъ старый Серва. То былъ голосъ сердца, и разуму приходилось за нимъ слѣдовать; для него критика, научный аппаратъ, система имѣли весьма малое значеніе, казались забавой, времепровожденіемъ мнимыхъ представителей науки. Однимъ взглядомъ охватывалъ онъ длинный рядъ годовъ, однимъ усиліемъ, однимъ синтезомъ доходилъ до самой сущности, до того, что есть безсмертнаго въ завѣтахъ прошлаго.

Что касается Нанжеса, то онъ только вопрошалъ настоящее и раздумывалъ надъ его уроками. Онъ передалъ Серва, въ качествѣ интереснаго и драгоцѣннаго указанія, отвѣты бригадира конной батареи своему капитану.

— Эти слова,—сказалъ онъ,—тѣ точки опоры, благодаря которымъ мы не собьемся съ дороги.

Весьма естественно онъ разсказалъ ему о Морисѣ Венсанѣ, о склонности молодого человѣка къ профессіи, отъ которой все, казалось, должно бы было его удалять. Серва встрѣтился съ Нанжесомъ, когда сказалъ:

— Я не очень хочу, милый другъ, чтобы этотъ ребенокъ присоединился къ намъ. Ошибочно въ профессіи видѣть главную вещь въ жизни. Онъ и въ другое внесетъ тѣ качества, которыя въ вашихъ глазахъ придаютъ ему такое очарованіе. Я согласенъ съ вами, что армія—лучшая въ мірѣ школа, и особенно ваша армія, столь отличная отъ другой, ваша армія изъ профессиональныхъ солдатъ, воиновъ, для которыхъ бой дороже родины, та же армія, что армія Штейнкерка и Мальплакэ, тѣ же старики гренадеры, что гренадеры-севастопольцы. Это—единственная школа! Я вообще думаю, что армія занимаетъ въ нашемъ обществѣ все болѣе и болѣе высокое мѣсто. Въ ней, по крайней мѣрѣ, остались еще кое-какіе идеалы. Традиція чести, безкорыстіе, всѣ эти старыя бредни—въ концѣ-концовъ сама дѣйствительность. Это не слова, не пѣсни, а настоящая дѣйствительность. Онѣ становятся „научными“ истинами. Армія одна въ настоящее время, и невзирая на усилія, которыя дѣлались, обладаетъ традиціей. Въ этомъ—вся ея добродѣтель, ея, можно сказать, единственная добродѣтель... Да, я хотѣлъ бы, чтобы такой человѣкъ, какого вы мнѣ описали, попробовалъ въ арміи свои молодые силы. Но въ концѣ-концовъ...

Серва умолкъ. Тимотэ понялъ. Онъ лишь добавилъ:

— Все это не важно, если этотъ юноша поможетъ намъ понять самихъ себя.

Было поздно, и пріятели разстались. Нанжесь пѣшкомъ отправился въ Пассѣ, черезъ Куръ-ла-Рень; вдругъ, словно въ какомъ-то лихорадочномъ приступѣ, онъ пережилъ ощущенія, испытанныя имъ въ Аѳрикѣ; всегда близкія сознанію, они ежеминутно готовы были пробудиться.

Сена катила тысячи дрожавшихъ въ ней огней. Вдоль пустынной улицы тянулись правильные, безконечные ряды деревьевъ... А ему грезилась безцвѣтная равнина, кое-гдѣ усѣянная тощими деревьями. Верблюды походной колонной вырисовываются на аломъ небѣ... Ему припоминаются мучительные дни, дни, когда онъ изнывалъ отъ жажды. И, входя уже въ свою дверь, онъ думаетъ о странномъ механизмѣ, который представляетъ собою человѣкъ, жалѣющій о тяжелыхъ минутахъ прошлаго въ благополучіи нынѣшняго дня.

V.

Непріятною могла показаться въ такомъ человѣкѣ, какъ Нанжесь, та черта, что онъ не относился серьезно къ любви,—чувству, столь прекрасному, воспѣтому и поэтами и другими людьми, и, наконецъ, чувству столь важному. Любовница, выбранная имъ, была красивая женщина, не лишенная образованія. Но онъ скучалъ въ ея объятіяхъ. Такимъ образомъ, около трехъ лѣтъ длилась ихъ связь, которая, будучи лишена эксцессовъ, тѣмъ не менѣе не была лишена мирной прелести и привычки. У Тимотэ не было ни малѣйшаго желанія искать новой связи, и благодаря этому казалось, что онъ ничего не цѣнитъ. Новыя связи и приключенія доказываютъ уваженіе къ любви, а ихъ разнообразіе даже нѣкую цѣльность души. Онъ довольствовался своимъ гладкимъ, поверхностнымъ счастьемъ, безъ шероховатостей, но зато и безъ красоты.

Тѣмъ не менѣе, когда Тимотэ пріѣхалъ изъ Парижа и вернулся къ гарнизонной жизни, однообразной и скучной, онъ сталъ больше заботиться о любовницѣ и началъ снова интересоваться ею. Онъ игралъ также въ бриджъ, въ который игралъ мастерски. Много ѣздилъ верхомъ. Эти занятія пріятнымъ образомъ скрашивали его жизнь и усыпляли его, въ избыткѣ, если можно такъ выразиться, здоровья.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ чувствовалъ нѣкоторую привязанность къ этой женщинѣ, въ общемъ довольно загадочной, какъ многія куртизанки. Каждый день, около четырехъ часовъ, Валери приходила пить чай въ уютномъ рабочемъ кабинетѣ капитана. Одно

время этому странному человѣку казалось, что онъ страстно любить золотистые волосы, голубовато-сѣрые, металлическаго оттѣнка глаза, ровные зубы и красивый, сладострастный ротъ своей любовницы. Онъ дошелъ даже до того, что ему стали нравиться ея умъ, ея забавныя выходки, ея поразительно невѣрныя, но очаровательныя мнѣнія.

Однажды она явилась, съ послѣднею книгой Эрвье подъ мышкой и принялась „говорить о литературѣ“. Нанжесъ нашель эту выдумку крайне безвкусной и неделикатной.

— Фу! книги...—сказаль онъ съ презрѣнiемъ.

А она промолвила своимъ высокимъ сопрано:

— Вы—варваръ, милый Тимъ, настоящiй варваръ...

Тимотэ вздыхаетъ и улыбается, равнодушный, усталый...

Словомъ, время шло, хотя никто не зналь какъ, но въ общемъ оно шло. Что касается Серва, Мориса Венсана, двоюроднаго брата Грандье, то въ это время они были очень далеки отъ его мыслей. Нанжесъ не любиль останавливаться на чемъ-либо подолгу, и если ничего не забываль, то у него была изумительная способность отодвигать на дальнiе планы своего сознанiя тѣ впечатлѣнiя, которыя его задѣли.

У Нанжеса бывали и минуты грусти. Ихъ источникомъ былъ переживаемый имъ возвратъ любви. Хотя онъ и не былъ окованъ любовью, тѣмъ не менѣе чувствовалъ слишкомъ большую привязанность и словно потерю свободы. Если привычка дѣлаеть насъ слегка рабами, то любовь быстро лишеть насъ свободы всецѣло. Рабство, всегда казавшееся такому индивидуалисту, какъ Нанжесъ, отвратительнымъ, принималось имъ, къ его удивленiю, сейчасъ гораздо легче, чѣмъ раньше.

Каждый вечеръ онъ совершалъ одинокую прогулку до конца мола стараго порта. То была минута, когда онъ могъ всего глубже заглянуть въ себя, спуститься внутрь себя. Онъ думаль о томъ, что онъ старъ, что онъ вскорѣ можетъ выйти въ отставку, зарыться гдѣ-нибудь въ деревнѣ, посреди собакъ и лошадей.

И впервые въ жизни его охватило желанiе жениться, устроить свой собственный очагъ. Ему казалось, что онъ провидить конецъ господству солдатъ. Впрочемъ, онъ не жаловался. Онъ знаваль лучшiя времена, времена военной славы. Во Францiи онъ помнилъ эпоху, когда весь народъ рукоплескаль полководцу и желаль, чтобы тотъ былъ его повелителемъ. Трудно повѣрить, что это было такъ недавно. Онъ зналь такъ недавно еще Суданъ Аршинара, но послѣднiй, наоборотъ, казался такимъ далекимъ въ его памяти. Въ итогѣ, теперь онъ хотѣль жениться.

Облокотясь о каменные перила набережной, капитанъ слѣдилъ за приближеніемъ пузатыхъ, раздутыхъ рыбацкихъ лодокъ. Издали онѣ казались неподвижными. Но когда проходили мимо, то двигались быстро, накренясь на одинъ бортъ, и съ легкимъ журчаніемъ воды дѣлали быстрый поворотъ, входя въ узкій каналъ, ведущій къ доку. Вокругъ маяка бѣгали, забавляясь, дѣти.

— Имѣть возлѣ себя бѣлокурую головку, которую можно погладить,—говорилъ себѣ Нанжесъ.—Не быть одному!

Онъ напишетъ матери, и та найдетъ ему милую жену, отъ которой ему захочется имѣть красивыхъ дѣтей.

Такъ раздумывалъ Нанжесъ, стоя на Шербургскомъ молу, и сообщницей его была блѣдная ночь, полная неясныхъ шумовъ и жалобъ.

Но едва, въ часъ бриджа, онъ появлялся подъ тусклыми шарами Большой кофейни, онъ былъ уже другимъ человѣкомъ. Онъ приходилъ туда безпечный, развязной походкой, и вплоть до той минуты, когда были уже сданы карты, и онъ весь отдавался игрѣ, онъ былъ самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ, какого только можно было найти. Этотъ ловкій человѣкъ всегда умѣлъ вернуть себѣ душевное равновѣсіе путемъ полного приспособленія къ тысячѣ нуждъ, къ тысячѣ случайностей жизни. Онъ пользовался искусно малѣйшимъ обстоятельствомъ, чтобы вернуть себѣ душевный миръ, наиболѣе дорогой его сердцу, и чтобы вернуться къ порядку въ ту минуту, когда его воображеніе всего дальше увело его отъ него.

Въ этотъ залъ онъ не приносилъ ни капли той морской солки, которая въ теченіе цѣлаго часа пропитывала его; онъ не выдавалъ ни одной тайны, довѣренной ему моремъ. Онъ ничего не смѣшивалъ, ничего не переносилъ, а, наоборотъ, раздѣлялъ вопросы, различалъ роды. Духъ его порою носился ураганомъ; но для того, кто имѣлъ съ нимъ близкія сношенія, то былъ лишь пріятный вѣтерокъ, неспособный ни къ насилию, ни къ какой рѣзкой пере мѣнѣ.

Ровность его была изумительна. Нанжесъ любилъ бесѣдовать съ молодыми людьми, и его вліяніе на нихъ было велико. Онъ казался имъ человѣкомъ счастливымъ, умѣвшимъ найти счастье въ постоянной увѣренности въ себѣ самомъ. Такъ, онъ любилъ юнаго поручика С., который не раздѣлялъ ни одного изъ его вкусовъ, ни одной изъ его мыслей, но который за тусклымъ взглядомъ грустнаго философа умѣлъ сдерживать свой пылъ, не желая его обнаруживать.

Ежедневно, въ десять часовъ, что бы онъ ни дѣлалъ утромъ,

капитанъ Нанжесъ былъ уже въ канцеляріи своей батареи. Послѣ полудня онъ возвращался въ казарму, и его можно было видѣть въ манежѣ державшимъ въ поводу лошадей, разстегнутымъ, съ манежнымъ бичомъ въ рукѣ, или во дворѣ передъ конюшнями наблюдавшимъ за чисткой лошадей своей батареи.

Но онъ не могъ привыкнуть къ печали огромныхъ, пустынныхъ дворовъ. Сколько бы онъ ни ходилъ взадъ и впередъ, эти два параллельныя зданія, въ глубинѣ металлическія рей военныхъ кораблей, стоявшихъ на покоѣ, молчаніе этой отдаленной части арсенала,—все было окутано смертельною грустью. Иногда на этомъ дворѣ по утрамъ онъ видѣлъ пятерыхъ-шестерыхъ молодыхъ солдатъ, стоявшихъ вокругъ 75-миллиметровой пушки: то были добровольцы, проходившіе обученіе подъ суровымъ взглядомъ стараго служаки. Этимъ и ограничивалась вся военная дѣятельность, которую проявлялъ этотъ пустынный участокъ. Нѣсколько чернокожихъ артиллеристовъ съ Мартиники прогуливались лѣнливо. Старики со свисавшими усами, съ жесткими волосами, огромные рыжіе парни съ четырехугольными лицами, въ которыхъ нетрудно было узнать старыхъ легионеровъ, проходили медленно, съ торбами, въ которыхъ лежали принадлежности для чистки лошадей, и исчезали во дворѣ, куда выходили конюшни.

А межъ тѣмъ, всего болѣе успокаивали Нанжеса старики-солдаты съ суровыми бронзовыми лицами, загорѣлыми, въ морщинахъ. Эти старые солдаты съ нашивками, казалось, одни поддерживаютъ теперь традицію стараго французскаго солдата, солдата временъ имперіи. Нанжесъ любилъ ихъ за ихъ военныя доблести столько же, сколько и за ихъ недостатки. Они представляли въ его глазахъ традицію, и эту традицію профессиональнаго солдата онъ въ нихъ любилъ. Въ общемъ это были тѣ же люди, что солдаты Италіи и Мексики, тѣ же условія жизни, то же происхожденіе, тотъ же духъ. Это не были „сознательные избиратели“, умъ у нихъ былъ не очень гибкій. Быть можетъ, они жили слишкомъ вдали отъ города. Но какъ знать, въ минуту, когда уже не на что будетъ рассчитывать, не обрадуются ли люди тому, что найдутъ нетронутымъ это старое, мощное убѣжище, за которымъ можно будетъ очутиться въ безопасности.

Чтобы дойти до канцеляріи своей батареи, Тимотэ, поднимавшійся обычно по центральной лѣстницѣ, долженъ былъ проходить по комнатамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были почти пусты. Постели, сложенныя въ кубы, на которыхъ не лежало никакихъ вещей, огромныя пустыя пространства, свидѣтельствовали о томъ, что море, какъ при отливѣ, мало-по-малу покидало этотъ берегъ

„Жаль,—думаль Нанжесъ.—Я вѣрю только въ профессиональныя арміи. Это—остатки послѣдней“.

Онъ думаль о слабости наличныхъ силъ Франціи; обращаясь къ колоніямъ, къ флоту и къ колоніальной артиллеріи, онъ также не испытываль утѣшенія.

„Но остатки хороши,—продолжалъ онъ свою мысль.—Съ этимъ можно бы еще многое сдѣлать“.

Однажды въ февральское утро онъ былъ очень удивленъ, когда, возвращаясь съ прогулки верхомъ и сходя съ лошади передъ конюшней, увидѣль вдругъ знакомый силуэтъ.

То былъ Морисъ Венсанъ. Молодой человекъ былъ одѣтъ въ штатскіе брюки и въ полотняную блузу, новую и жесткую, которая уже выдавала его новую профессію. Онъ представился капитану, съ очаровательною неловкостью неуклюжаго молодого животнаго. Но эта неловкость только рѣзче отгѣнила то чудесное, что было въ юномъ солдатѣ: чистыя линіи молодости. Темноволосый, съ глубокимъ, широко разливавшимся взглядомъ, съ дѣтскимъ, но уже энергичнымъ выраженіемъ, съ бѣлыми зубами, со спутанными, вьющимися волосами, съ гибкимъ и стройнымъ тѣломъ, въ которомъ чувствовалась сила здоровой юности.

Тимотэ узналъ сына учителя Венсана.

— А,—сказаль онъ,—ты поступилъ?

— Да, капитанъ, на пять лѣтъ.

— А... въ какую батарею ты назначенъ?

— Во вторую.

— Хорошо, ты попалъ ко мнѣ. Мы еще увидимся. Я займусь тобою. Старайся, чтобы изъ тебя вышелъ хорошій солдатъ.

Онъ удалился, межъ тѣмъ какъ Морисъ слѣдилъ глазами за его слегка сутуловатой спиной и медленной походкой въ раскачку.

...Въ этотъ день, благодаря случайному пріѣзду Мориса, Нанжесу снова пришлось думать о Вуланжи и о своихъ загадочныхъ встрѣчахъ съ этимъ краемъ. Сѣренькая погода Шербурга—превосходный возбудитель воспоминаній. Въ сѣверныхъ краяхъ живешь столько же настоящимъ, сколько и прошедшимъ. Благодаря тому, что во дворѣ казармы онъ встрѣтился съ этимъ юнымъ добровольцемъ, онъ вспомнилъ о женщинѣ, которую нѣкогда повезъ умирать въ Вуланжи и которая скончалась тамъ среди зеленой, сіяющей весны восемь лѣтъ тому назадъ. Въ дни своего траура капитанъ занимался охотою, или, лучше сказать, пробоваль забыться за этимъ занятіемъ, такъ какъ охота для страждущаго сердца въ сущности—занятіе ужасное. Если что-нибудь его

въ то время утѣшало, то это было рѣдкое качество его впечатлѣній. Маленькая патриархальная колокольня, глыбы плодородной земли, по которой онъ ходилъ цѣлыми часами, межъ тѣмъ какъ грубые башмаки тяжелѣли отъ налипавшей на нихъ жирной земли; виды мѣстности, столь изумительно спокойные, старая земля, древняя колыбель, страна Меровинга, Клодіона, лѣнливыхъ королей, съ ихъ телѣгами, запряженными быками, древній лѣнь, гармоническій край, гдѣ онъ снова ощущалъ свои корни, чувствуя, какъ сила его удесятерилась миллионами силъ праотцевъ, продолжавшихъ жить здѣсь; милые ручьи, журчавшіе ему братскіе привѣты, сады, большая дорога, съ двумя рядами деревьевъ въ видѣ метелокъ, домики, наполненные безхитростнымъ уютомъ— все создавало въ немъ такое сильное настроеніе, что почти заставляло забывать личное горе.

Въ тѣ времена Себастьянъ Венсанъ, отецъ Мориса, не былъ еще тѣмъ неистовымъ софистомъ, какимъ сталъ впоследствии. То былъ добрый товарищъ по охотѣ, неутомимый ходокъ, мѣткій стрѣлокъ. Его умъ былъ наполненъ общими мѣстами той эпохи, но это было заучено и повторялось имъ неискусно. Онъ былъ изъ числа равнодушныхъ людей, чуждыхъ пыла и тайны. Морису въ это время было десять лѣтъ. Онъ уже сопровождалъ охотниковъ въ дальнія странствованія. Тимотэ нравился этотъ мальчуганъ. Не забралъ ли онъ себѣ въ голову, что мальчугана слѣдуетъ учить фехтованію, въ то время какъ его приходилось учить сморкать носъ? Такое маленькое очаровательное существо капитану хотѣлось бы имѣть, чтобы изъ него своими руками создать человѣка.

Себастьянъ часто спорилъ съ Нанжесомъ. Мысли его были элементарны, понятны, просты, доступны и въ силу этого такъ удалены отъ жизни. Онъ сердилъ его спутника.

— Расширеніе колоній,—говаривалъ Венсанъ,—сколько миллионовъ уже брошено въ эту бездну!

Онъ говорилъ нерѣдко въ повышенномъ тонѣ.

— И еще,—продолжалъ онъ,—если бы дѣло было правое! Но въ силу какого права тревожимъ мы на родинѣ безобидныя существа, которымъ ничего не можемъ принести, кромѣ нашихъ пороковъ?

Требованія чести, гордости для него не существовали.

— Вѣрьте,—отвѣчалъ ему Нанжесъ, подзывая сеттера,—что сила всегда на сторонѣ права.

Учитель возставалъ.

— Разумѣется,—объяснялъ Тимотэ.—Что такое сила? Это умъ,

упорство, терпѣніе, искусство, храбрость, воля. Вотъ элементы силы, Венсанъ. Вотъ нити ткани. Не думаете ли вы, что вмѣстѣ со всѣми добродѣтелями, которыя въ нея входятъ, сила имѣетъ огромные шансы имѣть постоянно на своей сторонѣ право?

«Естественно, Венсанъ не понималъ. Колопіальная армія составляла для него предметъ ужаса.

«— Но когда,—говорилъ онъ,—ваши солдаты приходятъ въ край на маневры, всѣ двери въ ужасѣ захлопываются передъ ними? Старушки становятся на молитву и, завидя солдатъ, осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ?

Умъ Себастьяна былъ отмѣченъ большою элементарностью. Нѣсколькими годами позже этотъ человѣкъ, сдѣлавшись сознательнѣе, превратился въ орудіе для политиковъ, сначала политиковъ правительственныхъ, а вскорѣ и политиковъ сверхправительственныхъ. Основывалъ ли онъ свое ученіе на „Декларациі правъ человѣка“, расклеенной по всѣмъ стѣнамъ школьнаго зданія, или на какомъ-либо изъ свѣтскихъ катехизисовъ, пытавшихся одну догму замѣнить другою, это было безразлично: зло было сдѣлано, ошибка допущена; изъ безкорыстнаго воспитателя Себастьянъ превратился въ яростнаго представителя партіи.

Вотъ обстановка, среди которой выросъ молодой доброволецъ, ушедшій въ военную службу на пять лѣтъ, котораго Нанжесъ встрѣтилъ во дворѣ артиллерійской казармы.

Пусть говорятъ послѣ этого о благахъ и о верховномъ вліяніи воспитанія. Безконечный предметъ для разсужденій. Да и какъ отрицать это вліяніе? Но Нанжесъ въ то время самъ не различалъ хорошенько, что ребенка воспитываетъ не столько отецъ, сколько, и преимущественно, отцы, силы прошлаго, неясные совѣты лѣсовъ и пастбищъ, вмѣстѣ съ безчисленными умами мыслителей и поэтовъ. Вотъ что спасаетъ отдѣльныхъ лицъ отъ уклоновъ. Дорога, потерянная на минуту, находится человѣкомъ вновь. Въ дѣлѣ Мориса на это нужно одно поколѣніе. Въ другихъ случаяхъ работа заканчивается въ предѣлахъ одного и того же поколѣнія, какъ въ случаѣ съ бригадиромъ военной школы, о которомъ часто вспоминалъ Нанжесъ.

Могучи зовы земли и прочитанныхъ книгъ, горячи призывы полей, гдѣ протекло дѣтство, когда ко всему этому примѣшивается сладость Виргилія!..

Отъ всего этого исходитъ божественная сила, которая зоветъ насъ и покоряетъ неодолимо. Въ этихъ случаяхъ умъ молчитъ, какъ молчитъ самый сильный умъ передъ вѣрою Паскаля. Тутъ мы унижены, пригнуты къ землѣ еще сильнѣе, чѣмъ молчали-

вый землепашецъ, согбенный надъ сохою, ибо сила, заставляющая насъ простираться ницъ, нисходитъ съ небесъ.

Всего этого не знали Нанжесъ. Но развѣ онъ не долженъ быть доволенъ тѣмъ, что къ нему пришелъ такой прекрасный образчикъ человѣческаго рода? И вообще, найдется ли капитанъ, который не испыталъ бы радости, когда наборъ посылалъ ему здоровыхъ парней и великолѣпныхъ жеребцовъ? Вначалѣ это почти физическая радость, чувство полноты, изобилія, а затѣмъ утилитарное чувство, простой практической расчетъ, что трудъ работника зависитъ отчасти отъ тѣхъ орудій, которыя имѣются у него въ рукахъ, но, быть можетъ, этотъ взглядъ является уже впоследствии. Быть можетъ, прежде всего это—удовольствіе любителя при видѣ того, что прекрасное преуспѣваетъ, радость „любителя тюльпановъ“, который отнюдь не думаетъ объ утилизаціи своихъ тюльпановъ, ни о томъ, что сможетъ выгодно продать ихъ, или что будетъ гордиться ими, а просто, прежде всего, доволенъ тѣмъ, что у него прекрасные тюльпаны.

Въ этотъ вечеръ Тимотэ Нанжесъ не появлялся въ казармѣ. Сидя въ глубокомъ креслѣ, онъ перебиралъ золу прошлаго. Онъ испытывалъ сладострастіе Овидія въ изгнаніи, вглядываясь, сквозь клубы табачнаго дыма въ роши Иль-де-Франса, въ его водяныя мельницы, его парки, умирающіе на берегахъ красивыхъ рѣкъ, въ тотъ край, который онъ выбралъ нѣкогда, чтобы пострадать здѣсь, и къ которому снова приковалъ его прихотливый ходъ его мысли, родину, избранную имъ послѣ долгихъ блужданій, далеко за предѣлами родныхъ морей, въ океанахъ неизвѣстнаго.

Въ четыре часа пришла красавица Валери. Ея хрупкая жеманность плохо вязалась съ суровымъ созерцаціемъ Тимотэ. Она принесла массу слуховъ, которые какимъ-то чудомъ умѣла собирать въ этомъ мертвомъ, потонувшемъ въ туманѣ, городѣ. Капитанъ слушалъ ее разсѣянно. Она нашла его „нелюбезнымъ“, не обращавшимъ на нее вниманія. Но обидѣться на это не пришло ей и въ голову.

(Продолженіе слѣдуетъ).